

НАИНА

КУМАНЯЕВА

ДЕРЗКАЯ

ГАЛИЧАНКА

Наина Куманяева
Дерзкая галичанка

«Остеон-Групп»

Куманяева Н.

Дерзкая галичанка / Н. Куманяева — «Остеон-Групп» ,

Санкт-Петербург, 1811 год. Северная столица живёт в преддверии скорой войны с Наполеоном. Между тем в семействе чиновника Морского министерства Диргачёва неожиданно появляется свалившаяся как в небес новая родственница — юная и весьма пылкая особа — крестница, прибывшая из далёкой южной провинции, где идёт война, всё беспокойно и очень тревожно. Но вместе с ней беспокойство посещает и всю обстановку дома Диргачёвых, ведь у девицы имеется весьма чёткое задание на этот Сезон — срочно выйти замуж... Роман написан с прекрасным знанием исторических реалий и политической обстановки тех времён.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ника Куманяева

Дерзкая галичанка

Действующие лица:

Олег Аркадьевич Диргачёв – 28 лет, мичман Морского министерства

Елена Матвеевна – 52 года, его мать

Ганна Веселовская – ее крестница из Бессарабии

Константин Михайлович Веселовский – ее отец

Джорджо Траминеску – его торговый агент

Ванда Звягловская – авантюристка

Князь Станислав Сергеевич Поройцев – действ. тайный советник, один из начальников

Олега

Барон Этьен де Ленжевен – эмигрант, лейтенант на службе в Морском министерстве

Брундукова Софья Петровна – приятельница Диргачёвых

Маланья Сергеевна (Мелани) – ее дочь

Марья Болеславна – знатная дама

Глава 1

С-Петербург, август 1811 года

Погода в этот день не радовала, и Елена Матвеевна чувствовала какую-то смутную тревогу, сидя в своем элегантном Золотом Салоне на втором этаже в особнячке на Фонтанке. В последний год, который прошел со дня пропажи мужа, ее все чаще стали посещать философские мысли. Особняк был очень уютным, но стремительно ветшал в немалой степени потому, что за ним не было ухода. Он также остро переживал утрату хозяина: капитан Аркадий Диргачев делал стремительную карьеру по военно-морской части, он служил под начальством старого курилки Ханькова, однако в разгар войны злой рок послал его дряхлую посудину на отмель, и англичане попросту расстреляли из пушек беззащитного левиафана. Несколько человек пленили, а капитана Диргачёва так и не нашли. Елена Матвеевна отказалась служить по нему заупокойную службу и покорно ждала супруга, как и обещала ровно три года. Но теперь, в возрасте пятидесяти двух лет от ее красоты остались лишь воспоминания. Некогда золотистые локоны потеряли живой блеск и поседели, а щеки, напоминавшие в юности лепестки роз, постепенно увяли, и лишь в слегка потускневшей синеве глаз задержалась былая красота.

Она наблюдала, как ее сын разорвал на мелкие кусочки какое-то совершенно невинное письмо и отшвырнул клочки, снежинками опустившиеся на столик у дивана. Похоже, он тоже сегодня не находил себе места. Ольга Матвеевна не могла понять причин столь кислого выражения на лице своего сына, ведь приближалось открытие очередного Сезона, периода, который нес с собой массу веселья и развлечений.

– Ты совершенно не прав, Олег, – сказала Ольга Матвеевна. – Как бы она пред тобой ни провинилась, это всего лишь бумага, бессловесное существо и не заслужила с твоей стороны столь свирепых чувств.

– Это, тапан, – заявил Олег Аркадьевич, – самая подлая, злобная и изощренная бумага из тех, какие только видывал свет с той поры, как Иуда кропал свой донос на Спасителя.

– Бог с тобой, Олеженька! – вздрогнула Ольга Матвеевна, – да что же это ты такое пишешь?

– Докладную этому пройдохе-французишке про то, как изничтожить русских моряков без ущерба для его личного кармана...

Олег Аркадьевич хандрил с того самого момента, как ему отказали в присвоении очередного чина. Он, как и все вокруг, считал, что тридцать лет – весьма неподходящий возраст для мичмана, пора было либо становиться лейтенантом, либо выходить в отставку. Однако после бесславного окончания шведской компании русский балтийский флот существовал лишь на бумаге, а с того момента, как по кулуарам разнеслось вылетевшее из высочайших уст словечко «мнимый», совершенно оскорбительное для флота, и все ассигнования, испрашиваемые морским министерством неизменно урезались. Все попытки Олега Аркадьевича получить назначение на какое-либо судно также таяли, подобно щепкам в камине, ибо кораблей не было и в половину потребного для флота количестве, и офицеров там был перебор, новые суда не строились, а недостроенные гнили на стапелях и превращались в дрова.

Ольга Матвеевна все лето до глубокой осени проводила в их крохотном поместье, в большей степени даже хуторке под Рязанью, а на сезоны приезжала в столицу, где исправно таскалась по всем приемам и таскала за собой сынка, твердо решив сделать ему хоть какую-либо партию, раз уж он сам себя обеспечить женой не в состоянии.

Может быть, в этом году не стоило приезжать так рано, но Ольге Матвеевне не терпелось женить Олега и тем самым хоть ненадолго избавиться от безрадостных дум о муже. Ради этой великой цели можно было потерпеть и нетопленые комнаты, и насмешливые взгляды, броса-

емые на нее в салонах. Тем более, сам он явно предпочитает компании игроков и пропойц представителям высшего петербургского общества.

Олег Аркадьевич снова взялся за перо. Маркиз де Треверсе¹ специально отпустил его со службы для того, чтобы он со спокойной и ясной головой расписал новые мероприятия по сокращению флотских должностей. При этом часть плотницких, мичманских и лейтенантских окладов щедро перераспределялась между руководителями министерства.

– Послушай, Олежек, – обратилась Елена Матвеевна к сыну, желая приободрить его. – Ты не забыл, что дочь кузена Константина приезжает на днях? Отец так хотел, чтобы вы с ней встретились. Скажу тебе честно, он лелеял мысль о том, чтобы ты и она... она и ты, словом... – Она шмыгнула носом.

Странно, но это замечание заставило Олега Аркадьевича лишь плотнее сжать тонкую линию губ. Эта привычка всегда казалась матери малопривлекательной. Она раздраженно повела бровью и, немного подумав, добавила:

– Когда же нам ожидать ее? Письмо от кузена шло два месяца. Это, конечно, не его вина, но все же...

– Смотря каким путем она отправилась, маменька, – отвечал Олег Аркадьевич, отложив перо и подойдя к висевшему на стене, занимая почти всю ее верхнюю половину атласу. – Если бы она пустилась тарантасом из своей Бессарабии да через Киев, то была бы с нами уже две недели как. А ежели она морем отправилась через Гибралтар до вокруг всея Европы, то... аккуратно к весне будет. А с чего это он решил девицу к нам отправить? Вена от него поближе будет, да и Париж недалече.

– Ну... – помедлив отвечала Елена Матвеевна, – ты и сам понимаешь, как к нам турки там относятся. Если отправил он к нам свою сиротинушку, то не от хорошей жизни, а никак оттого, что опасался, как бы она в сераль к какому-нибудь паше не угодила.

– Или чтобы она сама своему папаше в серале время проводить не мешала.

Одно время вокруг семьи Диргачёвых бродили слухи о женитьбе кузена Константина на какой-то наложнице из сераля турецкого паши, но ввиду того, что должность он в Бессарабии занимал совершенно незначительную, слухи эти вскоре утихли сами собой.

– Однако, – внимательно рассмотрев карту вдруг заявила Елена Матвеевна, – она ведь может и не через Гибралтар, а посуху по Европе к нам доехать.

– Матап, в Европе хозяйничают наши заклятые друзья французы, а вместе с ними спят и видят как бы нам насолить столь же любящие нас поляки и пруссаки. На море нас караулят и никого к нам не пускают англичане.

– Господи, Олеженька! – всплеснула руками его матушка. – Да что же это на нас так все кругом ополчились-то?

– А то, маменька, что нельзя нам одновременно дружить и с Богом, и с Мамоной. Выбирать надо кого-то одного!

Трудно было поверить в то, что этот широкоплечий, почти двух с половиной аршин роста офицер с черными блестящими волосами – сын этой худенькой увядшей женщины. Единственное сходство наблюдалось в разрезе глаз такого же глубокого синего цвета с длинными черными ресницами, только в его глазах пустота, присущая взору Елены Матвеевны, сменилась искорками интеллекта и насмешки.

– С Мамоной! Боже упаси! – воскликнула Елена Матвеевна. – Кто это и где видывал, чтобы мы с бесом дружили? А дружили бы, тогда быть может, денежки бы водились, хотя и ни к чему все эти подарки от лукавого, ибо наше главное богатство на небесах. С другой стороны, а вдруг как раз в это время она к нам плывет по морю, наша голубушка? Не везет тем, кто сей-

---

¹ Траверсе Жан-Франсуа (Иван Иванович), маркиз де Траверсе (Prévost de Sausac, marquis de Traversay) (1754–1830) выехал в Россию во время революции; был морским министром (1811–1828) и членом государственного совета.

час в порту. Но разве ты забыл, мой дорогой, ведь отец говорили что-то о кораблях-разведчиках морского министерства, в чьи обязанности входит наблюдение за прибывающими судами? Если девушка плывет к нам морем, то... Мы же не хотим, чтобы мадемуазель Ганна сошла с корабля одна-одинешенька среди чужих людей в незнакомой стране.

Олег Аркадьевич от всего сердца желал, чтобы она вообще не сходила на землю. В его ушах еще звучали прощальные слова отца: «Двадцать пять лет – возраст более, чем зрелый, чтобы бесцельно растрчивать время. Моряк из тебя никакой. Чиновник – еще хуже, так уж женись, что ли, чтобы выйти в отставку приличным человеком. Так как ни одна невеста столицы тебя не устраивает, я послал Константину Михалычу приглашение с просьбой отпустить его дочь погостить у нас. Постарайся, если сможешь, понравиться ей до того, как она поймет, что ты представляешь из себя в действительности». Олега Аркадьевича попросту бесила подобная несправедливость. Кто как не *papa* приставил его к этому ничтожеству маркизу де Треверсе после той злосчастной истории с плотником? Кто как не он требовал от сына изучать науки в то время как остальные его сверстники жуировали на балах и некоторые действительно смогли сделать себе блестящие партии. И наконец кто как не родной отец собственным героизмом зачеркнул перед сыном всякую надежду сделать сколь было путную карьеру?

Увы. С той поры прошло почти три года, и только недавно они получили письмо, что девушка вот уже три месяца как выехала к ним. С той поры они не имели от нее вестей.

– Так странно, у меня есть крестница, которую я и в глаза не видела, – продолжала Елена Матвеевна. – Я стала крестной матерью дочери моего кузена Константина, как они это называют, по доверенности, потому что Константин хотел, чтобы у девочки хоть один крестный был из России. И он поступил очень разумно. Ведь сейчас, как ты понимаешь... – она споткнулась на слове, помолчала, собираясь с мыслями, и продолжила: – Я имею в виду, сейчас, когда французы неистовствуют в Европе, а турки вот-вот отторгнут у нас Бесарабию по милости этого кривого беса...

– Ах, *taman*, что вы такое говорите! Михайло Ларионыч прекрасный стратег!

В глубине души Олег Аркадьевич был согласен с маменькой, ведь именно в бытность свою инспектором финляндской инспекции светлейший граф Кутузов указал на то, что вот собираются списывать прекрасный и годный еще к службе корабль «Всеволод», на котором служил Диргачев-старший. Государь внял голосу сухопутного генерала и капитан Диргачев продолжил служить на древнем левиафане, который вскоре схоронил его со всей командой.

– Твой стратег только и умеет, что уклоняться от боя! Бедная девочка! В пятнадцать лет оказаться одной-одинешенькой в чужом краю, без отца, без матери! Хотя уж лучше бы она была полной сиротой, чем иметь такого отца.

– Mais oncle Constan...

– Мезальянс твоего дяди с этой валашкой более навредил нам в глазах общества, чем принес пользы. Государю, чтобы уберечь нашу семью от скандала пришлось держать кузена подальше от людской молвы. Но ведь бедный ребенок не виноват в том, что его мать взяли под венец прямо из сераля... Что стало бы с ней? Не знаю, что делала бы бедняжка, не пригласили бы ее.

– У Ганны, должно быть, есть и другие родственники. Разве у Константина нет еще сестер или братьев? – спросил Олег.

– Можно с полной уверенностью сказать, дорогой мой, что Россия и в особенности Сибирь полны ими – как на грех все его польские родственники оказались инсurreкционерами² Но как бедняжка Ганна смогла бы вырваться к ним из своей Тьмутаракани? К твоему сведению, она – богатая наследница. Ее дед по материнской линии был каким-то валашским князем.

---

² Инсurreкция (лат.) – вооруженное восстание подданных против своего правительства, направленное к ниспровержению существующего государственного порядка.

– А мне говорили, что запорожским казаком... – пробормотал Олег Аркадьевич.

– Ах, казаки у нее идут по отцовской линии. Там был то ли гетман, то ли какой-то атаман, который выдал дочь за князя за то, чтобы тот разрешил его казакам селиться на его землях...

Олег Аркадьевич вспомнил казацкий полк, расквартированный неподалеку, от них в Казачьей слободе, и его передернуло от негодования – представить себе только – блестящий морской офицер из хорошей семьи и какая-то казачка с сомнительной родословной и манерами прачки.

– Вот почему кузен Константин остался в своей Бесарабии – бороться против турецкой армии и попытаться спасти фамильное богатство. Эта дамочка из серала принесла ему в качестве приданого доходный виноградник... А может, он там и в качестве шпиона, ведь граф Константин – единственный из рода Веселовских, обладающий хоть граном мозгов вдобавок к мужеству. Странно, вообще-то, что он до сих пор не имеет чина при дворе. Ведь поговаривали, что он многое сделал при нашем прошлом замирении с турками, и покойный император его прекрасно знал... Ну да на то государева воля, кого карать, а кого награждать. Все одно, наша высшая награда воздастся нам не в этом мире, а в лучшем, коий есть сам по себе награда Божия...

Олег Аркадьевич зевнул. Его поначалу поражала особенность матери при разговоре о самых нормальных земных материях вдруг переходить на загробные темы, но потом он с этим свыкся.

– «Высшее искусство чиновника – вовремя напомнить начальству о факте своего существования», – вспомнил он изречение своего коллеги по департаменту француза Ленжевена и пробормотал:

– Странность заключается в том, что у него не хватило ума вернуться ко двору, когда власть поменялась, – пробормотал Олег. Поскольку его мать никак не упомянула о женитьбе, он предположил, что она не в курсе дела. Отец никогда ей ничего не говорил, обращаясь с ней, как с ребенком.

– Ты внесла имя мадемуазель Ганны в список для представления во дворце, мама? – спросил он.

– Ну конечно! Это первое, что я сделала по приезду. Кузина Софи и я почти не разлучались, подготавливая выход в свет моей вновь приобретенной крестницы. Кузина Софи этой весной вновь привезла в столицу на зимний сезон свою Малашу. Бедная девочка, она ведь уже не первой молодости, в том году разменяла двадцатый годок, но недавно ее дядя Акундин Семеныч оставил ей пять тысяч и деревеньку, и с ее собственными пятью тысячами и хуторком она уже становится привлекательной партией. Может, кто и позарится, сделает ей предложение. Хуторок у них хороший...

– Сомневаюсь в этом, – заявил Олег.

– Я тоже. Но в любом случае Софи предложила нам помощь с нашей Ганнушкой. Я уже слишком стара, чтобы носиться, как угорелая, каждый вечер, а ты и Софи можете мне присмотреть за девушкой.

После этого замечания искорка удовольствия мелькнула в измученном взоре Олега. Он был рад тому обстоятельству, что приезжей казачке выбрали друзей не из его круга. Семейка Брундуковых получит возможность водить ее на концерты старинной музыки и скучнейшие чаепития, оставляя ему свободное время для более живых развлечений. Все-таки просиживать штаны в департаменте с полудня и аж до трех часов пополудни – скучнейшая перспектива!

– Великолепная идея, маман!

– Да, думаю и наша Ганна быстро и легко поладит с ними. Она, несомненно, благо нравная девушка, так как воспитывалась в самых строгих условиях. И говорят, даже довольно длительное время провела в монастыре, когда турки слишком расхотелись.

«Там бы и оставалась», – чуть было не сказал Олег Аркадьевич.

– ... до недавнего времени в монастырях было безопасно. Ведь как ни странно, это единственные учреждения, которые уважают даже эти бусурманы, спаси их душу, Господи! Константин никогда не говорил, но я подозреваю, что его жена была униаткой. Малороссия просто кишит ими. Не понимаю, почему наш Синод допускает подобное? Униаты – это ведь исчадия ада!

Олег открыл было рот, но, устранившись собственного длительного изложения истории столетней давности, решил воздержаться и лишь спросил:

– Она, надеюсь, говорит по-французски?

– Ну уж, полагаю, что она там в свои палестинах росла не с коровами, наверное, сможет изъясняться за столом, хотя боюсь, она будет немного смущаться общества. Ты должен будешь почаще вывозить ее в общество, Олег. Бедная девочка наверняка не слишком привлекательна. Насколько я помню, физиономия кузена вечно напоминала мне вареную треску, а ее мать, как ты помнишь, была инородкой. Хотя и не всех, конечно, Господь сподобливает счастья родиться русскими.

Впервые Елена Матвеевна упомянула о внешности своей крестницы. Олег почувствовал, как его интерес, пробудившийся при романтическом описании происхождения и образа жизни Ганны, угасает.

– Слава Богу, что у нее есть хоть какое-то приданое, имею ввиду, что ваш кузен не оставит ее без части доходов со своего виноградника, если конечно, до него еще не добрались турки. – буркнул он и вновь уткнулся в свои записи по затратам и растратам флота за последние пять лет, как исключив или снизив оные возможно было бы залатав одни дыры, по возможности прилично прикрыть новые.

* * *

На борту пакетбота «Святой Мартын» мадемуазель Ганна, постукивая каблучком о палубу, пристально рассматривала миниатюру, выполненную из слоновой кости, с изображением морского офицера в характерной для того времени высокой черной треуголке. Миниатюра украшала тыльную сторону массивной золотой табакерки, хоть и изящной работы. Предмет этот был вручен ей отцом перед отъездом на случай трудностей, которые могли возникнуть на пути провоза монеты. Когда они только получили приглашение от петербургских родственников, у Ганны вспыхнул интерес к этому бравому кузену, за которого папа желал выдать ее замуж. Бесспорно, молодой человек был красив, но не настолько же она глупа, чтобы влюбляться в картинку. Особенно, если Олег Аркадьевич намерен так обращаться с ней! Он должен был ждать ее на берегу с каретой. Ганна сказала отцу совершенно откровенно, что у нее нет желания иметь мужем человека, выбранного для нее родственниками, пусть даже об этом соединении мечтали все поколения предков обеих фамилий. Она не против отправится в Россию – поездка выглядела приятным развлечением, – тем более, что ей осточертел и монастырь, и скудный ассортимент провинциальных развлечений, доступных молодой девушке из общества, а еще больше – постоянная опасность приглянуться какому-нибудь сербу, турку или валаху, против денег которого папаша не в силах будет устоять. И тогда она навеки будет обречена оставаться провинциалкой! Ужас! Впрочем, если она и выйдет замуж, то лишь за того, кого сама выберет. Константин Михайлович не обладал достаточной твердостью, чтобы приказывать своей своенравной дочери в решении подобных вопросов.

Между тем подали сходни. Матрос Януш, который весь рейс от Данцига опекал Ганну и молот языком о своих приключениях, радуясь возможности поговорить по-польски (из всего экипажа, состоявшего из немцев, голландцев и англичан, он был единственным поляком). «Мартын» принадлежал смешанной голландско-британской компании, которая единственная получила возможность от британского флота перевозить пассажиров в Петербург и обратно.

Разумеется, цены на билеты тут же взлетели до небес, однако будь они в сто раз выше, и тогда бы были не в состоянии окупить перевозку двадцати пусть и вполне состоятельных пассажиров. Истинный смысл своих рейсов компания не афишировала, но Януш пояснил, что смысл в плавании появлялся, когда одной темной ночью кораблик лег в дрейф берега, и к кораблю поспешили несколько шлюпок, а затем начали снова от судна к берегу и обратно. Теперь можно было не сомневаться откуда в северной российской столице берется голландский табак, ямайский ром и шелковые и шерстяные ткани.

Ганна с насмешкой посмотрела на русских таможенных офицеров, которые первые прошли по сходням на пакетбот и отправились осматривать трюм. Интересно, им ничего не скажет устойчивый запах табака, который можно было ощущать даже отсюда, с палубы?

Гордость девушки восставала против того, чтобы послать сообщение на Большую Морскую о своем прибытии и еще вдобавок попросить прислать за ней карету. Об этом и думать нечего. Она подозвала носильщика и велела нанять извозчика.

Через несколько минут девушка уже проезжала по улицам северной столицы, показавшимся ей блеклыми и чересчур бедными по сравнению с Прагой и Варшавой. Правда, подъезжая к Невскому, ее впечатление несколько улучшилось. И все-таки, бревенчатый особнячок с псевдодорическими колоннами, но и дощатыми стенами с полуобвалившейся штукатуркой, у входа в который остановился извозчик, был просто жалкой лачугой по сравнению с дворцом ее деда в Галаце.

* * *

В салоне Елены Матвеевны слабо отозвался стук дверного молотка.

– Думаю, это Софи, – сказала Елена Матвеевна. – Она часто заезжает после посещения магазинов. Они ожидали объявления дворецкого о прибытии мадам Брундуковой. Но слабый стук повторился вновь.

– Спиридон или заснул или куда-то отлучился, – проворчал Олег.

– Нет, это всё его больной зуб. Он, вероятно, принял слишком много коричного масла. Говорила же я ему, что зуб надо рвать. Веди ее в Золотую комнату, там зажжен камин. А я прикажу заварить свежий чай и встречу Софи у себя.

– Поверьте мне, *tatan*, он последние две недели принимает вовсе не масло...

Олег направился к парадной двери и распахнул ее, к немалому удивлению обнаружив на пороге молодую особу. Он изумленно уставился на незнакомку. Девушка напоминала начинающую актрису в костюме цыганки. Волосы цвета вороньего крыла зачесаны назад под модной шляпкой, из-под полей которой пара темных блестящих глаз, ничуть не смущаясь, рассматривала хозяина дома. Незваная гостья обладала симпатичной мордашкой, а платье ярко-алого цвета производило своим фасоном некое странное впечатление.

– Я хотела бы видеть Елену Матвеевну, – произнесла она и шагнула вперед.

Олег загородил дверной проем. Его мать принимала в этом году излишне много посетителей, стараясь блестяще подготовить выход в свет своей крестницы. Эта же особа выглядела явно как портниха или модистка.

«В ней присутствует определенный шарм, но она не совсем комильфо». – Такова была его окончательная оценка.

– В следующий раз пройдите через заднюю дверь, мадемуазель, – сказал он вслух. – Но раз уж вы здесь, я узнаю, сможет ли Елена Матвеевна уделить вам внимание.

Ганна перешагнула порог, после чего высокомерно взглянула на кузена. Миниатюрист неплохо постарался – точная копия этого надменного лица украшает крышку ее табакерки! Мало того, что ей пришлось самой добираться до этой лачуги через весь город, да еще самой потратиться на извозчика, так теперь еще новое унижение! «Пройдите через заднюю дверь!»

Это невозможно вынести. Если он принимает ее за служанку, она оплатит тем же. Ганна молча сняла шляпку и протянула ее Олегу.

– Я – пани Веселовская-Могила, trontor!³ – Елена Матвеевна ожидает меня.

Олег в недоумении уставился на девушку. В ее речи явно присутствовал южно славянский акцент.

– Что? – переспросил он.

– Dute la dracul!⁴ – воскликнула девушка, всплеснув руками. – Я приехала к вашей подарке! Annoncer à moi, s'il vous plaît⁵.

– О, Боже! – изумленно произнес Олег. Что это за разговоры на помеси чухонского с французским? Может, кто-то из друзей решил подшутить над ним, подослав дамочку легкого поведения, чтобы вызвать в доме переполох.

– Послушайте, мадемуазель, – сказал он. – Вы бы лучше шли своей дорогой... Как вы сказали – Могила? Что еще за Могила?

– Ну да! Мадемуазель Ганна Константиновна Веселовская-Могила из Бесарабии прибыла по приглашению вашей хозяйки Елена Матвеевна. А, cu toate că, în armonie!⁶ Я сама все выясню, – нетерпеливо сказала она, и ее каблучки бойко застучали в прихожей.

Олег двинулся следом за ней, так и держа в руках шляпку с длинным черным пером.

* * *

Елена Матвеевна, удивленная задержкой сына, уже подошла к дверям своей гостиной. Она видела вторжение дамы в красном, услышала болтовню на иностранном, но явно не французском языке, и взглянула на Олега, ожидая объяснений.

– Полагаю, она имеет какое-то отношение к мадемуазель Ганне, – неуверенно произнес он. – Возможно, компаньонка...

Посетительница с раздражением взглянула на него. Как могло случиться, что он не знал о прибытии ее корабля? Всех остальных пассажиров встретили на берегу.

– Вы ошибаетесь, я – и есть та, которую вы называете мадемуазель Ганна, но просто называю себя немного иначе. Моя фамилия – Веселовская-Могила. Мой пакетбот прибыл несколько часов назад.

– Но откуда?

– Из Данцига.

– Но почему из Данцига?

– А как вы мне прикажете еще ехать из Польши, которая частью французская, частью прусская, а частью вообще ничья? – воскликнула девушка. – Я приехала сюда, потом ждала, ждала, пока, в конце концов, уже не могла ждать. Тогда я наняла извозчика и приехала сюда.

– Вы – дочь моего кузена Константина? – удивлению Елены Матвеевны не было предела; подобное казалось ей совершенно невероятным, если, конечно, Константин не был женат на прекрасной великанше. Ему следовало бы упомянуть об этом.

Как только Ганна повернулась к своей крестной, весь ее гнев моментально растаял при виде теплой приветственной улыбки.

– Ах, si, я – дочь моего папы, а вы – Елена Матвеевна?

– Об этом и спрашивать не стоит, – заверила ее хозяйка дома.

---

³ Trontor (румынск.) – бездельник.

⁴ Черт побери! (румынск.).

⁵ Доложите обо мне, пожалуйста (франц.).

⁶ А впрочем, ладно! (румынск.).

– Ох, хресна мати! – воскликнула Ганна и бросилась в объятия Елена Матвеевна. Она на добрых три вершка⁷ возвышалась над своей крестной, что доставляло последней некоторые неудобства. Елена Матвеевна сделала попытку отклониться, но девушка удержала ее, и в тесных объятиях они прошествовали в большую гостиную.

Елена Матвеевна инстинктивно почувствовала, что ее скромный будуар не устроит эту удивительную девушку. Олег следовал за ними, все еще со шляпкой в руках.

* * *

– Странно, почему ты называешь меня хресной? Ты же знаешь мое настоящее имя, – произнесла Елена Матвеевна, но не осуждающе, а немного вопросительно.

– Это значит «крестная мать».

– Неужели! Подумать только, много лет я была хресной и не подозревала об этом!

– Столько чувств, что следовало бы выразаться на французском, – улыбнулся Олег. – По-французски это будет...

– *Marraine, naturellement*, – бросила девушка, искоса взглянув на молодого человека.

Его мать недоумевающе нахмурилась.

– Но тогда это был бы такой приятный южнорусский говор, не так ли, Олег?

– Нет, это был бы Мольер.

– Не обращай на него внимания. Он сам на себя не похож с тех пор, как в «Военном журнале» было опубликовано его письмо насчет порядков во французском флоте, – сказала Елена Матвеевна гостье и повела крестницу в Золотой Салон.

Ганна с интересом созерцала богатство лепных украшений и облетевшую со стен штукатурку, богатые, траченные молью ковры и подходящие им по стилю мраморные камины, в которых не горели дрова, висящие на стенах картины Козлова и Валериани, изящные канделябры, свечи в которых оплыли и не горели, изящные диваны и столики в ампирном стиле и все это производило на нее впечатление, что она попала в семью, которая еще совсем недавно знавала лучшие дни.

– Какой очаровательный дом, хресна. Вам здесь, должно быть, очень уютно, – произнесла она. Затем сняла накидку, с небрежной улыбкой подала ее Олегу и, сказав «спасибо», с легким трепетом разжала пальцы. Олег подхватил накидку и огляделся в поисках Спиридона.

– Повесьте ее, пожалуйста, – терпеливо, как будто бы она говорила с идиотом или глухим, произнесла Ганна.

– Непременно, – ответил Олег после минутного замешательства и понес накидку в прихожую.

Ганна, не уверенная в том, что ее намеки достигают цели, добавила:

– *Panski prascownik glupkowaty*⁸. – Она понадеялась, что это оскорбление Олег поймет.

– Боюсь, дорогая, я не сильна в румынском языке. Твой папа писал, что ты вполне прилично говоришь по-французски.

– Я сказала, что ваш дворецкий – он, очевидно, немного не в себе?

– Спиридон? О, нет! У него разболелся зуб. С чего ты взяла, что у него не в порядке с головой?

– Он пытался выставить меня из вашего дома. А потом заявил, что я должна буду пройти через заднюю дверь.

– В самом деле? Я поговорю с ним, не сомневайся.

---

⁷ Вершок – 4,45 см.

⁸ Ваша прислуга придурковата (польск.).

– Да, я думаю, вам было бы неплохо это сделать.

Вернулся Олег.

– Ваша хозяйка хочет сказать вам кое-что, – произнесла Ганна, ободряюще взглянув на свою крестную.

Елена Матвеевна и ее сын обменялись недоуменным взглядом.

– Это – мой сын Олег, – объяснила гостье Елена Матвеевна.

Волна гнева обожгла грудь Олега.

Дворецкий! Она приняла его за дворецкого! Но, заметив слабую улыбку на лице девушки Ганны, понял ее уловку. Она решила поквитаться с ним за то, что он принял ее за служанку. Итак, мадемуазель решила отплатить той же монетой, не так ли? Ну что ж, если она желает состязаться в остроумии, он чувствовал, что не ударит в грязь лицом.

Олег отвесил требуемый этикетом поклон, пренебрежительно оглядывая в то же время каждый стежок ее платья.

– Умоляю, простите мне эту ошибку, Ганночка. Мы ждали сообщений о вашем прибытии, хотели поблагодарить ваших спутников и обязательно встретить вас..., но... письма от вас не было...

– Было, барин, было, – прокричал старик Спиридон, входя в комнату со свечами и принимаясь зажигать канделябры. – В тот четверг было письмо с заграницы, да вы не читая велели его свалить с другими письмами – в слона.

Взгляды матери и сына повернулись к мусорному ведру в виде стоявшего на задних лапах слона, куда Олег привык сваливать приходящие ему счета и оплачивал их по мере поступления жалованья – раз в месяц.

– Так вы – Олег Аркадьевич! – воскликнула Ганна. Она поднялась и изящно присела в реверансе, производя точно такой же пристальный осмотр кузена, каким ее несколько минут назад наградил и он сам. – Моими компаньонами в этом путешествии были старый дядька и его сестра. В Данциге они сдали меня с рук на руки капитану Ван Вейзену и его жене. Они очень хорошие друзья папы.

– Но душа моя! – воскликнула Елена Матвеевна. – Объясните мне, почему отец ваш решил вас послать столь замысловатым и опасным путем – через...

– Через Валахию, Трансильванию, Австрию, Пруссию, Польшу... Он посчитал, что так будет гораздо безопаснее, чем ехать через места, где хозяйничают турки, волонтеры, татары и гайдамаки... Большой охраны он мне дать не мог, а с французами, немцами и шляхтой всегда проще договориться, чем с самостийными царьками.

Они смолкла. Везде считалось неприличным, когда приезжие берут на себя слишком много апломба. У мадемуазель Ганны имелась привычка получать то, чего она желала, обводя родного отца вокруг пальца. И поскольку замуж ей в восемнадцать лет вовсе не хотелось, а сидеть дома в военное время – тем более, поскольку их поместье все равно обременено было пережить нашествие войска (либо турецкого, либо русского), она и объяснила отцу, что извилистым путем можно достичь цели подчас гораздо быстрее, чем напрямик. Во время пути в Валахии и Трансильвании ее встречали как царевну, она побывала во всех театрах Праги и Варшавы, и не особенно торопилась бы в Петербург, если бы не настоятельная просьба ее отца, касающаяся известной им обоим особы. И так как объяснить человеку, что поступить так, как выгодно ей – является наиболее простым путем решения его проблем. Этот путь ей казался весьма простым и эффективным средством, она не видела причин менять свою тактику и в России. В их доме властвует этот морской поручик? Ну что же, значит, в первую очередь, надо прибрать к рукам именно его. К счастью, он, похоже, глуповат. И не урод. Всегда занятно разыгрывать свои штучки с красивым и недалеким молодым человеком.

– Вы должны простить меня, – сказала Ганна, застенчиво взмахнув своими пушистыми черными ресницами. – Папа не говорил мне, что вы так привлекательны.

Уже знакомый с женскими хитростями, Олег мог распознать кокетство, если напрямую сталкивался с ним. Когда молодые дамы начинали льстить ему, то все в общем-то сводилось, обычно, к надежде набить себе цену, касалось ли то дам известной профессии, либо девиц на выданье из приличных семей. В первом случае дело касалось лишнего целкового-двух, во втором – ценой вопроса уже становился он сам – его свобода и пусть и незначительное состояние. Бессмысленность дальнейшей службы уже давно тяготила его – ему оставалось еще пара лет до истечения 10-летнего срока службы и последующей бесславной отставки человека, чиновника, не сумевшего себя проявить. И потому он тоже мечтал о скорейшей женитьбе – на дочери князя, графа, надворного советника с хорошим имением, капиталом и знакомствами при дворе. Однако, увы! – таковые все были либо разобраны, либо их отцы и матери присматривали для своих обожаемых чад супруга побогаче и повлиятельней.

Он сознавал, что эту бойкую девицу с высоким бюстом прислали в Санкт-Петербург с твердым намерением окрутить его, но он не станет легкой добычей, в этом она убедится сама. Бог с ней, с отставкой, но он еще достаточно молод для того, чтобы становиться сборщиком на каком-то там бессарабском винограднике. В любом случае он предпочитает *Fine Champagne*.

– Как он мог говорить что бы то ни было о моей внешности, никогда меня не видя, – безразлично ответил Олег вслух.

– Мы тоже подумать не могли, что ты так хороша, – сказала Елена Матвеевна. – Незадолго перед твоим приездом я говорила Олегу, что ты, наверное, уро...

– Урожденная Веселовская... – продолжил Олег, сверкнув глазами в сторону матери.

– То есть с кожей цвета отварной тре... я имею ввиду слоновой кости...

– Мама думала, что вы похожи на вашего отца, – быстро оборвал ее Олег.

– Нет, говорят, что я пошла в Могилев – род моей мамы, – ответила Ганна и, не удержавшись, добавила: – Хотя, я должна была узнать вас, кузен, так как вы чем-то напоминаете моего папу.

– Н-да. Фамилия у вашей маменьки... того-с... – пробормотал Олег, старательно отводя взгляд от выреза на ее блузке. Нет, эта южанка явно не походила на бледных северных красавиц.

– О, в наших краях это довольно известная фамилия, – потупив взгляд произнесла девушка. – Примерно так же, как и в России популярна другая фамилия...

– Вы имеете ввиду, примерно как Ивановы?

– Нет – примерно как Рюрики.

Произнося эти слова, она заметила, что Олег оставался равнодушен к ее шпилькам в его адрес. Он не обижался на нее, но и не обращался с ней так, как обычно ведут себя бонвиваны. Неужели он настолько глуп, что не реагирует ни на комплименты, ни на оскорбления?

Затем Елена Матвеевна пригласила всех на чай. В течение следующего часа Ганна развлекала хозяев ярким описанием жизни в Бессарабии и перипетиями своего путешествия. Елена Матвеевна удивлялась, почему она избрала столь витиеватый способ путешествия, и сама же рассказывала, что весь двор сейчас пребывает в страшной тревоге по поводу ужасной манеры вести войну, которую избрал этот несносный кривой старикашка-Кутузов. Ганна рассказала о том, каково им было в канун ее отъезда – турки наезжают эпизодически, разъездами, русские крепко сидят в своих лагерях и лишь иногда куда-то перемещаются; время от времени появляются шайки людей, которые называют себя волонтерами, но командуют ли ими русские офицеры или это местные бандиты – не разберешь. Бедной честной девушке без ружья из дому нельзя выйти.

После длительного обсуждения пришли к выводу, что русское военное министерство забыло о своих войсках. Олег за время чаепития не проронил ни слова. Он и не думал поддерживать беседу. Таков был его первый шаг в антисвадебной кампании.

– Капитан сказал, что мне надо забрать свои чемоданы до завтрашнего дня, – сказала Ганна. – Можете вы мне это устроить, кузен?

– Тебе лучше заняться этим сейчас же, Олег, – вставила его мать. – Наша гостья, очевидно, захочет переодеться к обеду.

– Да, я тоже так думаю, – сразу же согласился он, недвусмысленно окинув взглядом пестрый наряд Ганны.

– Может быть, вы привезете мою картонку для шляп? – с трудом сдерживая улыбку в ожидании новой провокации, прошептала Ганна.

Олег сразу же удалился, но его уход был больше похож на бегство, чем на стремление броситься выполнять приказание Ганны. Пожалуй, следует немного умаслить его, чтобы он быстрее дошел до нужной степени податливости, решила девушка.

Ганна умоляюще взглянула на хозяйку.

– Могу я принять ванну, матушка крестная? Условия на борту корабля не позволяли мне этой роскоши.

– Я тотчас же распоряжусь принести горячую воду в твою комнату.

– Спасибо. Я буду отмокать, пока Олег не привезет мои вещи.

Прежде чем выйти из комнаты, Ганна запечатлела горячий поцелуй на щеке своей крестной.

– Так мило с вашей стороны пригласить меня. Думаю, мне здесь понравится. И я постараюсь не доставлять вам особых хлопот, а если все-таки сделаю что-то не так, сразу же скажите мне об этом. Договорились?

– Конечно, моя дорогая. Но я уверена, твое поведение будет безупречным. Похоже, у меня наконец-то появилась дочь.

Она расстались, вполне довольные друг другом.

Глава 2

Лишь только Олег принялся наводить на корабле справки о багаже мадемуазель Ганы, его ожидал еще один сюрприз.

– Мадемуазель Ганна Веселовская-Могила, – раздраженно повторил он младшему офицеру, помогавшему ему. – Она прибыла сегодня.

– А, вы имеете в виду фройляйн Ханну Могель, даму из Дрездена! Она просила нас называть ее так, – объяснил младший офицер. – Ее чемоданы уже готовы к отправке. Я обещал ей лично проследить за этим.

Он повел Олега обратно к трапу и указал на небольшую горку багажа, уже сложенного на тележку.

– Вот они, – указал он. – Носильщики появляются сразу же, как только корабль входит в порт. Я выставил Януша охранять ее багаж.

– Спасибо, – поблагодарил Олег и назвал свой адрес. – Фройляйн Ганна упомянула о какой-то картонке, желая, чтобы я привез ее сам.

– Она заперта в моей каюте. Я говорил ей, что такие вещи следует брать с собой, но вы знаете, как мало внимания она обращает на советы других. Картонка осталась под замком, а фройляйн Ганна сгорала от нетерпения быстрее покинуть корабль.

Олег нахмурился. Ему явно не понравились столь простые и дружеские отношения между своей новоявленной кузиной и судовыми офицерами. Он взял коробку и направился к карете. Надо будет серьезно поговорить с девушкой, прежде чем представлять ее обществу.

Он вернулся на Большую Морскую и отослал коробку наверх. В течение следующих четырех часов он не наблюдал никаких признаков присутствия Ганны.

Прибыл ее багаж, который также отправили в ее комнату. Под наблюдением Ганны слуги распаковали чемоданы. Девушка наслаждалась переменой в своей жизни. С тех пор как начались боевые действия, ее жизнь была крайне неустроенной. Хотя война и не бушевала в окрестностях их поместья, отец заставлял ее бесконечно переезжать с места на место. Она жила во дворцах и палатках, особняках и монастыре, и в данный момент испытывала приятное чувство, имея, наконец, комнату и жизнь, которую можно назвать личной. Теперь добродетельные сестры не будут ежедневно звать ее на молитвы. А по ночам не придется просыпаться от пушечной стрельбы, пугающей до смерти. Наконец-то не будет недостатка в еде. Хотя, вообще-то, она бы с удовольствием осталась дома, с отцом, но он так волновался! «Поезжай в Россию и наслаждайся молодостью, – сказал он. – Эта чудная пора бывает только раз в жизни, к сожалению, быстро проходит».

В эти комнаты она будет возвращаться после разнообразных приятных развлечений. Со вкусом обставленные апартаменты очень нравились ей. Дома в Бессарабии отличались большей простотой и просторностью, но и гораздо более простой отделкой, доминировали более яркие цвета. А здесь зеленая узорчатая ткань занавешивала окна в спальне и примыкающей к ней комнате. Стены украшали картины, изображающие птиц, деревья и цветы, искусно выписанные кистью на светлом кремовом фоне. Основное место в спальне занимала большая массивная кровать, покрытая пушистым пледом. Ганна чувствовала, что будет проводить большую часть времени в маленькой гостиной с удобными резными стульями и изящным бюро.

После того как распаковали ее корреспонденцию и письменные принадлежности, Ганна разложила все по маленьким ящичкам бюро.

Сверху на горке ее личной корреспонденции лежало письмо, адресованное Ванде. Просто Ванде, пани Звягловская не раз бывала в их домике в Яссах. Служанки уверяли, что она была возлюбленной его отца. Затем они расстались, и Ганна точно знала, что в этом был замешан то ли Назым-паша, правая рука Великого визиря, в доме которого они встречались, то

ли французский полковник Ледюк, находившийся при дворе господаря в составе французской военно-дипломатической миссии, то ли и тот и другой одновременно. На этой почве отец с Вандой поссорились, и красотка уехала. Похоже, она хотела выйти замуж за ее отца, но тот сослался то на одни причины, то на другие и в итоге позволил ей уехать в Петербург. А теперь вот дал дочери письмо к этой женщине, словно не понимая, кем в ее глазах была соперница покойной матери. Ганна еще не знала, как она сможет найти Ванду и передать ей письмо. Она не знала, что именно отец написал в этом письме, но он был твердо уверен, что дочь разыщет Ванду в Петербурге и передаст непосредственно в руки адресату. Это было оскорбительно по отношению к памяти ее покойной матери, однако вольность нравов наложила определенный отпечаток на образ мыслей женщин южных провинций, и Ганна не чувствовала себя вправе требовать от отца вечного пребывания в безбрачии.

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась Елена Матвеевна.

– Это я, Ганна. Тебе понадобится служанка, чтобы помочь переодеться к обеду. Я предлагаю Парашу. Она прислуживает мне, когда у моей Маши случаются приступы артрита.

– Параша, это та, с pistui? – Ганна потеряла нос.

– Ты имеешь в виду веснушки? Да, бедняжка страшно огорчена этим обстоятельством.

Но ей очень хорошо удаются прически.

– Прекрасно, хресна! Ты сможешь мне нанять слуг?

– В этом нет необходимости, дорогая. Ты имеешь полное право распоряжаться моими слугами. Они обо всем позаботятся.

– Ну, нет! Папа сказал, что я не должна становиться вам обузой. Мне также понадобится конюх, так как я собираюсь иметь собственный выезд.

– Помилуй Бог, да зачем тебе собственный выезд, деточка? – всплеснула руками Елена Матвеевна. – Я не уверена, что сейчас даже очень состоятельные люди имеют свой выезд, здесь ведь это так накладно. Очень многие пользуются извозчиками – и ничего! А пока что Параша будет прислуживать тебе. Мы обедаем в четыре, дорогая.

– Так рано?

– Рано? Ну, это по нынешним временам уже довольно поздно. При прошлом императоре робели обедать после часу. Однажды весной после обеда, бывшего обыкновенно в час, император Павел гулял по Эрмитажу и остановился на одном из балконов, выходивших на набережную. Стоя там он услышал звон колокола, во всяком случае не церковного и, справившись, узнал, что это был колокол баронессы Строгановой, созывавший к обеду. Император разгневался, что баронесса обедает так поздно, в три часа, и сейчас же послал к ней полицейского офицера с приказом впредь обедать в час. У нее были гости, когда ей доложили о приходе полицейского. Все были крайне изумлены этим посещением, но когда полицейский исполнил возложенное на него поручение с большим смущением и усилием, чтобы не рассмеяться, то только общее изумление и страх, испытываемый хозяйкой дома, помешали присутствовавшему обществу отдаться взрыву веселости, вызванному этим приказом совершенно нового рода.

* * *

Ганна изумленно хлопала ресницами, выслушивая эту невероятную историю. Теперь ей стало ясно, откуда у ее сыночка столь явная нехватка умственных способностей.

– Я буду внизу ровно в четыре часов. Мне следует одеться grand toilette или по-домашнему?

– Мы подумали, что ты наверняка утомлена после дороги, и не приглашали гостей сегодня вечером.

– Вы так предусмотрительны, дзинкуе, хресна мати.

– Знаешь, Ганна, мне кажется, я уже осваиваю твой невозможный румынский язык, – рассмеялась Елена Матвеевна.

Девушка тоже рассмеялась и сказала:

– Это польский.

– Так ты еще и польский знаешь?

– Да, и еще греческий, валашский, цыганский... В нашем краю перемешалось столько всяких наций, а детям для того, чтобы вместе играть, надо учиться как-то общаться.

– И что же, вокруг не было русских детей?

– Нет, кроме наших, русинов, я имею ввиду галицийских славян. Галицийкой была моя мама. Но наш русский отличается от вашего, наш язык ближе к малороссийскому. Так что правильному русскому языку меня учил папа и его денщик. Надеюсь, он не слишком отличается от вашего?

Когда багаж полностью распаковали, Ганна удалила всех слуг, оставив при себе только Парашу.

– Ты сможешь мне одеться к обеду, – сказала она, усаживаясь за туалетный столик перед зеркалом. – Елена Матвеевна говорит, что ты искусно обращаешься с волосами. Надеюсь, ты сможешь что-нибудь сделать с моими?

Она вытащила из прически с полдюжины шпилек, и каскад черных волос заструился по ее плечам.

– Боже праведный! – воскликнула Параша. – Никогда прежде я не имела дел с такой массой волос. Они похожи на накидку.

– С ними столько хлопот, – сказала Ганна. – Папе нравятся длинные волосы, но говорят, что сейчас они выходят из моды, так что наверное, я их обрежу.

Параша приподняла длинные, черные как смоль, локоны. Они шелковисто заблестели в ее руках.

– Какая жалость, что вы собираетесь это сделать!

– Dracul!⁹ Ты говоришь в точности, как мой отец. Сегодня просто уложи их. Сможешь?

– Я подниму локоны вверх, сударыня, и заколю шпильками, если вас это устроит.

– Отлично!

* * *

Параша проявила чудеса, работая с волосами Ганны, а когда они были закручены и уложены изящными волнами, Ганна выбрала платье сверкающего изумрудно-зеленого цвета, отделанное черным кружевом. К этому наряду она одела изумрудное ожерелье своей матери. Платье плотно облегалo талию и складками спускалось книзу. Корсаж открывал выпуклость белоснежной груди.

На ее родине ни одной девушке никогда не позволили бы появиться на людях в таком одеянии. Но, как и большинство из вещей Ганны, это платье раньше принадлежало ее матери. С началом войны туда практически прекратился подвоз дамских платьев, а юная девушка, быстро выросшая из своих коротких юбочек, должна была что-то носить. Ганна понимала, что этот наряд чересчур откровенен, но, в конце концов, Россия известна своим стремлением быть на шаг впереди всего мира в вопросах моды, уступая в этом вопросе первенство лишь Франции.

Прежде чем спуститься вниз, Ганна долго рассматривала себя в зеркало. Хотелось бы иметь на груди на два вершка побольше материи... да и плечи чересчур оголены, но, в общем,

---

⁹ Черт побери! (румынск.).

выглядела она на уровне. Хорошенькое личико и высокая шея компенсировали мелкие огрехи наряда. Она приподняла юбки и заспешила к лестнице.

– Похожа на царицу Савскую при ее первом свидании с царем Соломоном, – так описывала свою новую хозяйку Параша, вернувшись на кухню.

– Скажешь тоже, – буркнула горничная хозяйки Матрена, – скорее на праматерь Еву через полчаса после грехопадения. На ней было не больше одежды, чем травы на плацу. Попомните мои слова, эта дамочка отхватит себе не меньше чем князя.

«Умеет себя подать эта девица», – таково было первое впечатление Олега при виде молодой южанки, грациозно спускавшейся по лестнице. Если бы императрица Елисавета Алексеевна увидела ее сейчас, она никогда не позволила бы юной мадемуазель Ганне появиться во дворце. Спускаясь к Олегу, Ганна заметила, что молодой офицер очень заинтересован то ли ее изумрудами, то ли ее оголенным телом под ними. Подняв наконец глаза, он обнаружил, что она наблюдает за ним с терпеливой и слегка насмешливой улыбкой.

– Добрый день, ваше благородие! Надеюсь, я не опоздала?

– Добрый день, мадемуазель! Хорошо, что мы обедаем одни, так как в России дебютантки носят лишь белые платья и самого скромного покроя, – прибавил он, бросая последний взгляд в ее глубокий вырез.

– Белые! О, нет! Это для меня самый ужасный цвет. В белом я выгляжу абсолютно бесцветно, – всплеснула руками Ганна.

– Зато вы будете выглядеть так, как и должна выглядеть девица на выданье, мадемуазель.

Она нахмурилась и подала ему руку, чтобы направиться в гостиную, где Елена Матвеевна с нетерпением ожидала момента, когда они приступят, наконец-то, к обеду.

– Ты выглядишь прекрасно, Ганна, – улыбнулась она, беря Олега под другую руку и увлекая их по направлению к столовой. – Но совершенно неуместно, – шепнула она Олегу.

Когда они сели за стол, Ганна произнесла:

– Мне следует поговорить с нашей императрицей об этих ужасных белых платьях. Она общительна?

– Нет, моя дорогая. И самый верный способ заставить нашу красавицу наброситься на тебя с упреками, это проявить хоть малейшую развязность, – без обвиняков заявила Елена Матвеевна. – Но как только ты найдешь себе мужа, то сможешь с полным правом носить сколь угодно яркие платья.

– Ах, так значит мне предстоит страдать лишь одну-две недели, – сказала Ганна и зачерпнула ложку лукового консоме. Она попробовала густую жидкость и хмуро взглянула в тарелку.

– Можно мне немного перца? – попросила она.

Ей подали перечницу с кайенским перцем, и Ганна трясла ее до тех пор, пока вся поверхность супа не стала красной, затем перемешала и съела все без жалоб, но и без всяких признаков удовольствия.

– Я никогда раньше не ела молочных супов, – сказала она. – Мне кажется, у него слабый привкус лука.

– Точнее, это лук-порей.

Даже самые недогадливые смогли бы понять, что и остальные блюда девушка нашла такими же неаппетитными. Она щедро посыпала их перцем и разными приправами, находящимися на столе, но все равно пряностей не хватало. В ожидании десерта они обсудили ее поездку и положение дел на юге. Девушка с радостью заметила, что на десерт принесли рис. Она с удивлением взглянула на хозяйку, когда та добавила в блюдо сахар и молоко.

– О, хресна мати! Ты же не сможешь это есть! – воскликнула она.

– Напротив! Этот чудесный рисовый пудинг? Конечно же, я съем его, дорогая. Что же еще с ним делать, скажи на милость?

Олег испортил вкус своего риса точно таким же образом. Ганна слегка посыпала свою порцию солью и решила, что по сравнению с остальными блюдами это – вполне съедобно. Надо будет спуститься вниз в поварскую и показать повару, как готовить рис. Можно продержаться на одном рисе несколько недель, если возникнет такая необходимость.

Она не замедлила встать из-за стола, как только поднялась Елена Матвеевна.

– Оставим Олега с его портвейном, – произнесла хозяйка дома и повела Ганну в гостиную. – Олег сохраняет за собой привилегию мужчин выпить вина после ухода дам даже тогда, когда мы обедаем вдвоем. Он присоединится к нам через полчаса или чуть позже.

Ганна не думала, что Олег выдержит столь долго. Этот чопорный чинуша может сколько угодно притворяться, что не одобряет ее наряд и стиль, но его это крайне заинтересовало. Она постарается пораньше отправить Елену Матвеевну в постель, чтобы иметь возможность пококетничать с Олегом и настроить его на более уступчивый лад.

Глава 3

Не прошло и пятнадцати минут, а Олег Аркадьевич уже присоединился к дамам, уютно расположившимся у камина. Он уже обдумал сложившееся положение и принял решение. Его кузина довольно хороша собой, достаточно привить ей хорошие манеры, и найти подходящую партию для молодой галицийки не составит труда. Отец ни в чем не сможет обвинить его, если Ганна сама откажется от их брака. Можно представить ситуацию таким образом, будто он сделал все, что в его силах, но, увы, потерпел неудачу.

– Что-то ты сегодня быстро, Олег? – удивленно заметила Елена Матвеевна.

– Думаю, что наша гостья, наверное, устала после столь долгого путешествия. Мне хотелось побыть немного в ее обществе перед тем, как она поднимется к себе.

Ганна удивленно захлопала ресницами, услышав о своей усталости, когда на дворе лишь стало смеркаться. Однако, поставив цель быть услужливой и любезной, она изобразила зевок, изящно прикрыв ручкой подбородок.

– Это морской воздух нагнал на меня сон, – поведала Ганна, не желая создавать у них впечатления, будто она все время ложится спать среди бела дня.

Елена Матвеевна поболтала немного о предстоящем Сезоне – балах и приемах, о скачках, грандиозном съезде гостей у Апраксиных, а Олег дал несколько указаний по этикету.

Ганна внимала их словам с явным интересом.

– Папа полагает, я сделаю блестящую партию, – сказала она, намекая таким образом Олегу, что в ее понятии он такой «блестящей» партией не считается. – Я поняла, что в России бытуют странные традиции: у девушек, первый раз выходящих в свет, должны быть платья только белого цвета, что бедным дебютанткам запрещено танцевать вальс и прочее. Но у вас не будет повода для опасений за мое поведение. Я постараюсь выполнить все правила.

Она повернулась к Олегу и продолжила:

– Это платье, которое вам так не понравилось, кузен, вовсе не мое. Оно принадлежало моей покойной матушке. Так как в стране, объята войной, невозможно купить или сшить на заказ новую одежду, мне перед отъездом пришлось довольствоваться тем, что оказалось под рукой. И, смею вам заметить, в нашей стране также не принято привлекать к себе внимание экстравагантными нарядами или легкомысленным поведением.

Олега такое сообщение несколько успокоило. Мамино платье, ну конечно же! Он должен был сам догадаться об этом.

– Вы можете носить платья из гардероба вашей матушки, когда мы обедаем дома, en famille¹⁰, – поучающим тоном произнес он. – Платье очаровательно, но совершенно не comme il faut¹¹ для дебютантки.

Ганна одарила его притворно застенчивой улыбкой.

* * *

– Не хотелось бы, чтобы вы подумали, будто я слишком тороплю события, mon amie.

У этой девушки очаровательная улыбка, с маленькими ямочками в уголках губ. Найти ей приличествующую ее положению партию будет несложно.

– Зовите меня просто Олегом. В конце концов, вы – моя кузина.

---

¹⁰ В семейном кругу (франц.).

¹¹ Неприлично (франц.).

– Прилично ли мне попросить вас называть меня столь же просто Ганной? – спросила она, искоса взглянув на него черными глазами.

– Конечно, ведь и я – твой кузен.

– Мы все кузины и кузены во Христе, – произнесла Елена Матвеевна. – Да, а как ты думаешь, дорогая, какую партию для тебя имел в виду Константин? Упомянул ли он какие-нибудь имена?

Олег напрягся.

Ганна заметила это. Неужели он вздумает ревновать или заявлять какие-то права на нее? Надо рассеять впечатление, будто претендент уже выбран.

– Нет, отец не знает, кто будет представлен в этом Сезоне. Однако, он надеется на мое замужество с одним из влиятельных и богатых людей высшего общества.

Олег облегченно перевел дух.

«Значит, не ревнует, – сделала вывод Ганна. – А может быть, он вообще не собирается на мне жениться?»

– Наверное, следует подумать о молодом Талдызине, – задумчиво протянула Елена Матвеевна. – Он наследует княжеский титул после своего отца.

– Зачем так долго ждать? – воскликнул Олег. – Поройцев уже князь. – И его хороший друг. Правда, ему может не понравиться невеста издалека. Франтоватые джентльмены не любят чужестранок. Надо будет поговорить с Поройцевым, представив ему Ганну образцом добропорядочности и красоты. В конце концов, для князя деньги не главное, и он прекрасно сможет составить счастье этой девушки, если та, конечно, не будет принимать близко к сердцу его походы по артисткам и кабакам.

После недолгой беседы Ганна попыталась зевнуть еще раз, стараясь таким образом нагнать сон на хозяйку дома, ведь зевота считается делом заразительным. Но ее ухищрения привели лишь к тому, что Олег предложил ей пораньше лечь спать, чтобы подготовиться к завтрашней прогулке.

– Да, конечно, мне так хочется увидеть столицу.

Она поцеловала Елену Матвеевну, сделала реверанс Олегу и выскользнула из комнаты.

– Нам не составит труда выдать ее замуж, – сказала Елена Матвеевна сыну. – Она девушка хорошенькая и благоразумна. И не крестится постоянно, как это делала та... из под Саратова, помнишь? Ну, от которой ты сбежал тогда в оранжерее...

– Помню, – пробормотал Олег Аркадьевич и почесал в затылке. До чего же ловко он тогда сбежал от этой святоши, зануды и уродки с волосами как пакля, утиным носом и гусиной поступью. Сбежал от десяти деревень с полусотней тысяч душ населения, водочного, рогожного, кожевенного промысла, нескольких тысяч десятин плодороднейшей земли и полутора миллионов целковых годового дохода... Так сбежать надо было уметь! И виду того, что пудингом с луковым супом он совершенно не наелся, Олег стал прикидывать, к кому бы из его многочисленных друзей и знакомых ему лучше было бы напроситься на ужин.

* * *

– Да, составить партию с этим мотыльком проблем не возникнет, – согласился Олег Аркадьевич вслух. Он совсем успокоился. Видимо, его недалновидная мамаша и понятия не имела о намерениях папаши выдать Ганну за него. Да и эта виноградарша явно не проявляла особого интереса к возможному претенденту в лице кузена. Лишь его злосчастный *papa* носился с этой идеей.

– Жаль, что ты поступил необдуманно, приняв у нее шаль сегодня днем, словно простой дворецкий. Первое впечатление, производимое молодым человеком на девушку – самое сильное. К твоему сведению, виноградарники – не самое худшее вложение денег.

– Вот пусть Поройцев с ними и возится, – поспешил вставить Олег. – Он обожает херес.

– Я вот думаю, Олег, не попытаться ли тебе самому увлечь Ганну?

– Мне? – Он рассмеялся. – Мама, ты же не можешь считать меня влиятельным и преуспевающим помещиком, который может составить счастье этой юной смуглянки? *Maman*, мне осталось два года до окончания службы. Очевидно, что мне не светит ни служба на море, ни повышение в чине, ни новая должность, а значит я выйду в отставку коллежским секретарем и отправлюсь доживать век в провинцию.

– Ну-ну, не стоит на себя так рано крест класть. Ты ведь мог бы войти в какой-нибудь кабинет. Помнится Бурчилин в свое время пытался привлечь тебя к деятельности комиссии по реформам.

– Ах, *taman*, все эти реформаторы – натуральные бонапартисты, начиная от самого Сперанского, до последнего регистратора в последнем его подкомитете. Возможно, Бонапарт и впрямь избавил французов от тирании якобинцев, но сам он стал ей еще большим тираном, и не только ей, но и всей Европе.

– Я думаю, как порадовался бы твой папа, если бы ты получил эту должность!

Олег задумался о таком повороте событий. Для отца, без сомнения, весть о помолвке Ганны и Поройцева будет сильным ударом. А может быть, и впрямь пора переходить на гражданскую службу? Активное участие в делах комиссии по реформам могло бы в значительной мере решить проблему ранней отставки. В конце концов, не всем же быть военными, а от должности коллежского секретаря до коллежского асессора расстояние куда как меньше, чем от мичмана до капитана.

– Я скажу Бурчилину, что подумаю о его предложении. Мы с ним скоро увидимся.

– Тебе действительно надо иметь какую-то должность. Если ты надумаешь жениться в скором будущем, то должен чем-то заниматься, кроме бессмысленного болтания по городу с твоими беспутными приятелями.

– Что за выражения, мама. Не забывай, у нас в доме девица на выданье.

Елена Матвеевна улыбнулась.

– Забавно, ты читаешь мне лекции о правилах хорошего тона, сынок. Может быть, у тебя появилось, наконец, чувство ответственности?

– Только этого мне не хватало! Упаси, Бог!

– Я уверена, папа несколько преувеличивал, выговаривая тебе за твое поведение, но если у тебя есть намерение остепениться, Олег, то почему бы тебе не попробовать поухаживать за Ганной? Если ты чувствуешь, что способен потягаться с будущими претендентами на ее руку, я, естественно, сделаю все, что в моих силах, и постараюсь помочь тебе.

– Полагаю, я и без посторонней помощи смогу увлечь ее, в случае, если почувствую к ней расположение, – недовольно ответил он, разгневанный сомнениями матери в его способности завершить дело собственными силами. – Но она не в моем вкусе, мама. Ты же знаешь, я всегда предпочитал блондинок, похожих на тебя.

Комплимент сразу отвлек внимание Елены Матвеевны от щекотливого вопроса.

Олег посмотрел на часы.

– Еще не так поздно, – заметил он. – Я, пожалуй, заеду в клуб и сыграю несколько партий в карты.

– Надо послать записку Софи. Может быть, она и Меланья изъявят желание съездить куда-нибудь завтра с Ганной.

Олег задумался на минутку, а потом сказал:

– Это лишнее. Я сам покажу кухне достопримечательности столицы.

Естественно, он должен будет сделать вид, будто лезет вон из кожи, пытаясь развлечь кухню. Но он позаботится о том, чтобы время, проведенное Ганной в его обществе, принесло той лишь уныние и скуку.

Елена Матвеевна понимающе кивнула.

– Хорошо. Я больше ни словом не обмолвлюсь ни о планах, ни о помощи, но, когда Ганна захочет прогуляться в моем обществе, я сошлюсь на недомогание. А сейчас – поезжай и постарайся хорошо провести время.

Последние слова были необходимы не более, чем напоминание митрополиту Московскому о его молитвах. Олегу редко удавалось скучать, и уж тем более не в столице.

Поскольку Сезон еще не открылся, Олег отправился к князю Поройцеву, желая подогреть его интерес к своей провинциальной кухне.

* * *

Он поспел ко второй перемене блюд, и пока лакеи снимали скатерти, князь велел подать ему стул и усадил рядом с собой.

– Как продвигается твой доклад? – спросил князь.

– На всех парусах! – мрачно усмехнулся Олег. – Думаю, что после его завершения государю останется раздать маркизу де Треверсе и всему его департаменту должности кораблей и фрегатов, потому что флота у нас более не будет.

– И маркиз вместе с Чичаговым и всей своей фанаберией начнут производить маневры в два кильватера перед дворцовой набережной, – расхохотался князь.

– А в самом деле, для чего России флот? – встрял в разговор гвардейский ротмистр Сулержицкий. – Россия всегда была сильна своей армией, инфантерией, кавалерией... А ваш флот, это, миль пардон, сплошная бутафория...

Однако Олег не стал ему отвечать, перевел разговор на тему более его волновавшую.

– У нас гостит очаровательная девица, моя кузина. Она проведет здесь весь Сезон. Темноглазая дикарка из Бессарабии, – говорил он, обращаясь в основном к Поройцеву, но так, чтобы слышали все присутствующие. – Вскоре нам придется начать ее вывозить. Мне не хочется, чтобы кто-то из вас, господа мои, увивался возле нее. Думаю, я приберегу эту красоту для себя.

Теперь, наверняка, молодые люди стаями слетятся на Большую Морскую. Олег продолжил тщательно продуманное описание акцента своей кузины, платьев, романтического прошлого, жизни во дворцах и монастыре.

– В общем, судьба ее совершенно необычна, – со вздохом закончил он.

– Даже чересчур. Во всяком случае, для меня, – сказал Поройцев и тут же предложил: – Не сыграть ли нам в карты, господа?

– Рад слышать это, – как бы с удовольствием произнес Олег. – Конечно, я и сам не сторонник женитьбы, но господам нашего круга полагается иметь жену, чтобы завести наследника, следить за хозяйством и появляться с ней на приемах. Естественно, дамы, которых мы выберем, должны иметь соответствующее воспитание и солидное приданое. А у кузины приданое тысяч пять и виноградник в Бессарабии.

– Какой виноградник? – мгновенно заинтересовался Поройцев.

– Где-то под Яссами, если не ошибаюсь. Раньше эти земли принадлежали господарям.

– О, они изготавливали великолепное вино! – воскликнул Поройцев. – Самое лучшее в Шабо и довольно приличное в Пуркарах. А их выдержанные вина просто великолепны. Я вообще-то предпочитаю простое красное столовое вино...

– Но ведь их не сравнить с французскими? – поинтересовался кто-то.

– Да, не сравнить, потому что никто и не думал их сравнивать. Вернее не ставил перед собой задачи придать им должного вкуса и выдержки, зато, если выписать туда из Франции пару-тройку опытных виноделов, то смею вас заверить...

– Можешь сдавать, – сказал Олег. Рыбка клюнула, и он решил сменить тему.

Олег выиграл пятьдесят рублей и вернулся в три часа утра, мгновенно уснув спокойным сном победителя.

* * *

На следующее утро за окном моросил мелкий дождь, но погода не испортила его прекрасного настроения. «Пусть *petit sauvage*¹² отведаст вкус «северного солнца». Еще неделя-две такой погоды, и она запросится обратно.

Присоединившись к Ганне за завтраком, Олег с удовлетворением заметил печальное выражение ее лица.

– Доброе утро, кузина! Надеюсь, ты хорошо выспалась?

– Прекрасно, кузен. Какое невезение! На улице проливной дождь!

– Проливной?! Ты явно преувеличиваешь. Погода сегодня намного лучше, чем обычно в это время года.

Ганна пристально посмотрела на него.

– Ты думаешь, твоя матушка отважится выйти из дома в такую погоду?

– Скорее всего, нет. Но для меня будет большой честью сопровождать тебя, кузина.

Он с удивлением наблюдал, как хмурое выражение ее лица сменилось ослепительной улыбкой.

– Как мило с твоей стороны!

– Мне доставит большое удовольствие прогулка с тобой, – с поклоном сказал Олег.

Он окинул взглядом ее туалет. Платье ее сегодня немного отличалось от тех, что носят сейчас. Яркое, с богатой отделкой, но, что касается покроя, – сама невинность.

Убедившись, что поездка состоится, Ганна приступила к неаппетитному завтраку – каши на молоке, кулебяки, хотя свежие бисквиты оказались довольно приятными на вкус, а охтенское масло просто великолепным. И даже повар вполне сносно приготовил яйца, они-то, вместе с чаем, и составили завтрак пани Ганны. Как мечтала она в эту минуту о чашке кофе! Вскоре к ним присоединилась Елена Матвеевна.

– Так как идет дождь, мама, – сказал Олег, – я поеду с кузиной.

– Ты разве забыл, Олег? Мы же вчера вечером решили...

– Но ты же не захочешь выходить из дома в такую сырость! – с нажимом перебил он ее.

Ганна насторожилась, внимательно прислушиваясь и делая свои выводы. Олег, похоже, старался завоевать ее благосклонность. Она одарила его улыбкой.

– Ты так добр, кузен. Эта поездка очень важна для меня.

– А куда ты хочешь поехать, дорогая? – спросила Елена Матвеевна. – Не съездить ли тебе в церковь? Правда, у нас торжественная служба только по воскресеньям и особым церковным праздникам.

– Нет, нет! Я могу подождать до воскресенья.

– А может быть, ты хочешь повидаться с кем-нибудь из французских дворян? Здесь у них свой кружок у графини де Брезе. Мужчины вырабатывают план, как бы им сбросить Наполеона, а женщины и девушки дают нашим уроки хороших манер. Полагаю, что со стороны Бонапарта было неразумно разгонять весь настоящий высший свет.

– Полагаю, что он просто заменил его своим собственным, – заключил Олег.

– Конечно же, я встречу с ними, но позже... – сказала девушка. – Мне и самой хочется выглядеть элегантно и подучиться хорошим манерам, если я собираюсь возвращаться в высшем

---

¹² Маленькая дикарка (франц).

обществе. Поэтому следует составить какое-то представление о том, что носят ваши дамы, прежде чем я начну заказывать новые вещи.

– Воспользуйся советами Олега, – сказала Елена Матвеевна. – Он точно знает, что может нравиться мужчинам.

Но Олег, игнорируя желания своей матери, выработал собственный маршрут, который начинался у Петропавловской крепости, включая такие известные места как памятник Петру Великому, Адмиралтейство, Биржа, Цейхгауз, и заканчивался прогулкой по Эрмитажу, если к тому времени не прекратится дождь. Следуя его логике, будет очень странно, если все это не нагонит смертельную тоску на Ганну.

– *Матап* повозит тебя по магазинам как-нибудь в другой раз, – сказал он.

Ганна не произнесла ни слова о покупках.

– Она лишь хочет посмотреть, как одеваются наши дамы. Вполне достаточно просто прогуляться по Фонтанке. Скоро выглянет солнце. У нас каждый день дожди, – доверительно сообщила она Ганне, – но, как правило, не затяжные.

– Каждый день! – испуганно всплеснула руками Ганна. – Какая жалость! В таком случае мне понадобится только несколько капоров, и ничего больше.

Олег спрятал улыбку за чашкой с чаем. Сделав последний глоток, он спросил:

– Ты готова, Ганна?

Глава 4

Несмотря на малую вероятность того, что Ванда Звягловская встретится им в первом же попавшемся по дороге магазине, Ганна все-таки положила послание отца на дно сумочки. Она решила всегда иметь его при себе и наводить справки у всех, с кем только сведет ее судьба. Может, повезет, и кому-то из знакомых известно это имя.

– Какую шляпку подать, сударыня? – спросила Параша.

– На улице сильный дождь. Я одену старую накидку, а к ней хорошо подойдет темно-синяя шляпка.

– Прекрасно. Выглядите вы потрясающе!

– Потрясающе? Какое интересное выражение, – заметила Ганна, самым невероятным образом прилаживая на голове выбранную шляпку.

– Как это вам удалось сохранить такой цвет кожи, учитывая палящие лучи южного солнца?

– А мне и не удалось. Уезжая, я не могла похвастаться абсолютно белоснежным цветом лица, поэтому во время путешествия большую часть времени проводила на нижней палубе, и мои веснушки исчезли. Я думаю, что это от солнца. Тебе тоже следует избегать солнечных лучей. Попробуй сводить их лимонным соком, милочка.

– Господи, да мне никто не позволит изводить лимоны на такую ерунду.

– По-моему, мужчины не считают женскую красоту ерундой. А что касается лимонов, я их тебе обеспечу. Передай повару, что мне ежедневно требуется лимон для поддержания свежего цвета лица.

– Да, в общем-то, с моими рыжими волосами все это не так уж и важно.

– Вот увидишь, лимон и волосы твои осветлит. А потом, не такие уж они и рыжие. Я думаю, их можно превратить в белокурые, если ты пару месяцев будешь регулярно пользоваться лимонным соком.

Подобное поведение Ганны, ее открытость и готовность помочь являлись признаками высочайшей милости и превратили Парашу в верного друга своей юной госпожи.

– Спасибо. Теперь понятно, отчего нашим дамам так часто требуются лимоны. А сахар надо добавлять?

– Что? – не поняла Ганна, а потом, догадавшись, ответила: – Не надо пить сок, Параша. Просто нанеси его на лицо и волосы.

– Вот это да! – изумленно воскликнула девушка.

– Подай мне темно-синюю накидку.

Олег Аркадьевич оценивающе оглядел свою кухню. Синяя шляпка и темная накидка смягчали пышное буйство красок ее платья до приемлемого уровня. Олег надеялся, что дождь прекратится, и он сможет продемонстрировать Ганну на Невском. Они вместе вышли к ожидающей их карете.

Дождь еще моросил, когда Олег провез Ганну по городу, показывая здания, где вершились чудеса императорской политики и дипломатии. Затем они вышли из кареты и спустились к Неве, хмуро поблескивающей под пеленой дождя. Ганна решила, что этой реке не хватает величественного размаха ее родного Днестра.

Олег повел ее к Исаакиевскому собору, и сквозь легкую дымку тумана она увидела массивный купол, венчавший корпус. Однако Ганне, привыкшей к живописному стилю южных городов, увитых зеленью, с крышами, сверкающими на солнце яркой медью, как в Бухаресте, конструкция собора показалась весьма незамысловатой. Олег долго разглагольствовал о том, каким будет собор, когда его достроят.

– Папа описывал мне это сооружение. И в моем воображении собор казался более грандиозным, – высказала она свое мнение. – Вообще, мне кажется, что церквям должно быть свойственно тянуть ввысь, к Богу. Вы понимаете, что я имею ввиду?

– А-а... э-э-э, – протянул Олег, поскольку не любил демонстрировать собственную некомпетентность.

– Я говорю о соборе Святого Вита на Градшине в Праге. Он, правда, тоже еще не достроен, хотя его строят уже почти 500 лет – заметила Ганна, сама не обладавшая большим запасом знаний в этой области. – Великолепное старинное сооружение с летящим ввысь шпилем, богато украшенное резьбой по камню. Много лет тому назад Святого Вита замучили, но память о нем сохранилась навеки... А алтарь внутри церкви – просто чудо, – восторженно добавила она.

– Очень интересно, – кисло произнес Олег.

– Но я же выслушала все твои восторги относительно крепости и Адмиралтейства, – не преминула напомнить Ганна.

Олег посчитал ниже своего достоинства отвечать на подобную детскую выходку. Он с радостью заметил, что ей все смертельно наскучило.

– Не хочешь ли взглянуть на императорскую резиденцию?

– Это крайне интересно!

Зимний дворец показался ей не очень большим по сравнению с бесконечно тянувшимся фасадом дворца Хофбург на Градшине.

– У нас в существует поговорка, что «Хорош Париж, а живет и Курмыш», – холодно сказал Олег и велел извозчику трогаться дальше.

Ганна не терпелось спросить, что такое Курмыш, но она воздержалась.

* * *

Солнечный свет разогнал последние клочки тумана, и Олег с Ганной не спеша прошли по оживленной торговой улице, где, по крайней мере, десяток франтоватых молодых людей пытались строить Ганне глазки. Но она ничем не дала понять, что осознает свою неотразимость. Наконец-то Олег впервые за день порадовал ее, решив прогуляться вдоль фешенебельных магазинов. Полки в них буквально ломились под тяжестью товаров, доставленных сюда со всего света. Ганна поохала над какими-то кружевами и настояла на посещении магазина с дамскими безделушками, проявив столь живой интерес к бордово-золотистому шелковому вееру с черными планками, что Олегу пришлось сделать ей подарок.

Девушка взяла веер и распахнула его с таким очаровательным кокетством, которого он в ней даже не подозревал. Веер порхал, подобно огромной бабочке, то открывая взору ее темные, жгучие глаза, то вновь скрывая их блеск. Олег нашел эти наивные ухищрения первобытного кокетства просто чарующими, но почувствовал сильное желание ограничить сферу их действия только своим домом. «Князь Поройцев, – подумал он, – такого кокетства не одобрит.»

– Потрясающе, не правда ли? – спросила Ганна.

– Где, черт побери, ты подцепила это словечко? Ведь еще и дня не пробыла в Петербурге. Должно быть, услышала от дворни?

– Нет, от Параши. Да, кстати, мне нужно несколько лимонов. Точнее, по одному каждый день для ухода за кожей. Конечно, я сама заплачу за них. Говорят, у вас это – деликатес. Но я скоро получу деньги.

– Насчет этих денег...

– У меня есть рекомендательное письмо на открытие кредита в вашем банке.

– Я решу этот вопрос сегодня после обеда.

Она подняла веер, затем медленно опустила его, приоткрыв нежную улыбку. Ручка в перчатке коснулась его пальцев.

– Что бы я без тебя делала, милый брат!

Так не пойдет! Она откровенно кокетничала с ним, и у него возникло желание ответить тем же.

– Рад, что угодил тебе, кузина, – быстро пробормотал он, подводя Ганну к дверям магазина.

– Мне кажется, тебе нравится помогать мне?

– Да, мне действительно приятно оказывать тебе услуги.

– Ты всегда хмуришься, говоря о приятных вещах? – поддразнила она.

– Просто солнце слепит мне глаза.

– Эта слабая маленькая свечка по-вашему солнце?! Вот в Валахии... Но... как у нас говорят, всякий кулик свое болото хвалит, – как бы спохватилась Ганна.

– Вот именно, – сказал Олег, смягчаясь.

Но больше всего Ганну интересовали дамские туалеты, и тут ее ждало сильное разочарование.

– Ужасно, – таково было ее заключение, когда, чуть позже, они прошли по улице. – Разве у ваших дам нет фигуры, которую можно было бы выгодно подчеркнуть?

– Ну что ты, с этим все в порядке, и мне хотелось бы, чтобы ты убедила их не скрывать свои достоинства... А то, что ты видела называется «стиль императрицы», мода из Франции, – объяснил Олег. Он ненавидел этот покрой, при котором платья висели мешком от лифа до лодыжек, полностью драпируя все изгибы тела.

– Я вижу ваши дамы находят элегантным то, что мы в нашей провинции надеваем перед сном. По-моему, совершенно неприлично носить на людях ночные рубашки, но если мне для того, чтобы удачно выйти замуж, следует уродовать себя таким же образом, то... придется немедленно заказать несколько таких ночных сорочек.

– Ты же знаешь поговорку «По одежке встречают...» – с сожалением произнес Олег.

– Да, но особого ума от женщины никто не ждет. Особенно сами женщины. Да и мужчины тоже, – добавила она, бросая взгляд на парочку одетых в синие камзолы франтов, спешивших по улице. – Слушай, какие-то они у вас тут все одинаковые. Это что же, униформа такая? Неизменные синие камзолы и горчичные штаны? Я заметила, что и ты одеваешься так же.

– Ну... это не то, чтобы униформа. Просто сейчас такой стиль. И меня ты с ними не ровняй, я ношу мундир. Наверное сейчас модно казаться вроде бы ты тоже при государственном деле состоишь. Россия – страна чиновников.

– Вот как? – удивилась девушка. – А мне-то казалось, что Россия страна людей мастеровых, торговых, талантливых, творческих, воинов, наконец...

– Все это так, конечно, – поморщился Олег от того что разговор перешел на тему которая давно уже донимала его. – Однако поверь мне, что всеми этими людьми управляет в России чиновник. Допустим, ты руду нашел, завод поднимаешь, ан к тебе чиновник с государевыми предписаниями – туда руду продавать, а сюда не продавать, с теми водиться, а о других и не думай. И попробуй откажись. Или ты – полководец, у тебя сто тысяч войска, покорных твоему повелению, города и крепости от поступи твоих полков содрогаются. А пришлет тебе чиновник свое идиотское постановление – и все! Пропали твои победы. Отступай, поворачивай войско от верной виктории.

– И неужели всегда так было? – изумилась Ганна.

– Испокон веков. – заверил ее Олег. – Как было, так и будет продолжаться.

– Но ведь это ужасно!

– В том-то все и дело, что как ни странно, русский уклад жизни к этой манере приспособился, и мы продолжаем оставаться сильным, могучим и вполне жизнеспособным цар-

ством-государством. Даже ухитряемся одерживать какие-то победы. Флота вроде бы как нету, мнимый он, понимаешь, а туркам при Афонской горе жару дали! Надо же так было ухитриться.

Ганна с сожалением смотрела на него. Он был похож на взрослого мальчика, которому в детстве не дали наиграться любимыми игрушками, и вот теперь он видит своих солдатиков и кораблики лишь в витрине магазина и с сожалением понимает, что они уже не для него. Елена Матвеевна рассказала ей, что Олег неоднократно подавал прошения о переводе его либо в действующий флот, либо в армию, однако ни Чичагов, ни сменивший его де Треверсе не желали лишаться умного деятельного и грамотного чиновника и предпочитали держать его при себе, хоть и на вторых ролях. Она не стала добивать его напоминанием о том, что Сенявин, блистательно разбивший турок при Афоне, через год сдал свой победоносный флот англичанам и возвратился домой едва ли не на положении военнопленного вместе со всеми своими экипажами – горькая пилюля, которую русскому императору пришлось проглотить.

– Я вот думаю, что тебе бы так подошли более густые и насыщенные цвета – бордо или темно-зеленый, – мягко сказала она. – Но ты должен избегать вульгарного тона и отличаться от других, иначе не сможешь найти подходящую пару – богатую и красивую. Я думаю, тебе понадобится когда-нибудь *nevastă*?¹³

– Ты снова говоришь по-валашски, – заметил Олег, избегая, таким образом, необходимости отвечать на ее вопрос. Хорош бы он был в красном или зеленом камзоле! Как настоящий петух! Хотя, эти цвета хорошо сочетаются с его темными волосами и смуглым цветом лица.

* * *

Ганна упомянула о камзоле своего папы, привезенного в качестве образца для пошива новых. Может быть, кузен поможет ей с заказом?

– Плезон, – ответил он. – Вот у кого шьет вся столица. Вот человек, для которого не существует сословных предубеждений. Он начал обшивать еще герцога Савойского, а потом у него шила костюмы половина Версаля. Якобинство он мирно пересидел, а потом сразу же переключился на Директорию, однако, узнав, что большая часть старой клиентуры вновь собралась в России, перебрался сюда и вот уже пятнадцатый год обшивает тут весь *beau-monde*¹⁴. Я отвезу к нему камзол и сделаю заказ на другие. Прямо на этой неделе. Хотя нет, боюсь, что на этой неделе не получится, а вот на той... – При этих словах у него отчаянно зачесалось в затылке. Он уже полгода был должен Плезону за мундир, и денег на это в обозримом будущем не предвидилось.

– *Mulțumesc*¹⁵... тьфу, то есть я хотела сказать, *merci beaucoup*¹⁶. – Ганна повернулась, желая повнимательнее рассмотреть дам на улице. На этот раз ее заинтересовали прически.

– Какой странный стиль. Волосы у всех подстрижены как у *băiețel*... То есть я хотело сказать как у *chłopczyk*¹⁷...

– Ты хочешь сказать, а *la garçon*. Но тебе совсем необязательно стричься, – заметил Олег. Он восхищался ее роскошными, черными, как смоль, волосами. Не раз он пытался представить, как они выглядят, если освободить эту копну от шпилек и распустить по плечам. Они казались такими мягкими, словно шелк.

---

¹³ Супруга (румынск.)

¹⁴ Высший свет (франц.)

¹⁵ Спасибо (румынск.)

¹⁶ Большое спасибо (франц.)

¹⁷ Мальчик (румынск. – польск.).

– Но я должна следовать здешней моде! Ведь мне приходится встречаться с людьми. Я не хочу выглядеть а la paysanne¹⁸.

– Чепуха! Ты можешь придерживаться собственного стиля прически.

– Больше всего мне хотелось бы придерживаться собственного стиля в одежде, mon gentile cousin¹⁹. Не думаешь ли ты...

Вспомнив вчерашнее изумрудное платье с отделкой из черных кружев и представив себе как вызывающе с этими обнаженными плечами и грудью будет выглядеть короткая прическа, он сказал:

– Боюсь, это невозможно, Ганна. Может быть потом, после замужества, но на девиц на выданье здесь поглядывают строго.

– Удивляюсь, как это ваши gentilhommes²⁰ вообще удостоивают их взглядом, – сказала она. – Не зайти ли нам в магазин тканей, взглянуть на муслин?

– Я попрошу маму, чтобы модистка захватила с собой образцы. Вам будет проще выбрать.

«Вернее, так будет проще для тебя», – подумала Ганна. Но в ее планы не входила ссора с Олегом, и она с приятной улыбкой произнесла:

– Ах, gentile cousin, ты обо всем позаботился!

По пути домой Ганна спросила:

– Ты не знаком случайно с некоей госпожой Звягловской? Вандой, если не ошибаюсь.

– Я слышал о ней, – ответил он, поджимая губы, что, как она уже успела заметить, означало недовольство. – Могу я поинтересоваться, откуда ты знаешь женщину такого круга?

– Даму, ты хочешь сказать? – удивленно спросила Ганна.

– Я не вполне в этом уверен.

– С ней что-нибудь неладно?

– Я полагаю, она – вдова, совершающая увеселительную поездку по Европе. Причем, я не думаю, чтобы она так уж тяжело переживала собственное вдовство. Здесь она объявилась год назад и успела завоевать весьма сомнительную репутацию. Откуда ты ее знаешь?

– Я виделась с ней у себя на родине. Тогда она еще не была вдовой, но с мужем жила раздельно, а потом он умер. Ее принимали при дворе господаря, – добавила она. – Господиня²¹ была от нее без ума, обновила благодаря ей свой гардероб. Модистки Букурештя озолотились благодаря Ванде. Ведь за господиней все свои наряды обновили и ее фрейлины.

– Неужели? Ну так теперь я понимаю, почему ее удалили от двора – не иначе после визита к вашему господарю депутации разъяренных мужей-придворных, – рассмеялся Олег. «И все же князю Поройцеву трудно будет оценить достоинства Ганны, если он обнаружит, что она поддерживает знакомство с этой беспутной женщиной», – подумал он.

– Но ваш великий князь Константин тоже не живет со своей женой. И, судя по сплетням, эта его пани Грудзинская в десять раз хуже госпожи Звягловской.

– Члены августейшей семьи могут поступать, как им заблагорассудится, мы простые люди – им не чета и наше мнение им не указ, – возразил Олег. – Но лично мне не хотелось бы, чтобы ты разыскивала эту мадам Звягловскую. Маловероятно, что вы встретитесь в тех местах, где я собираюсь тебя представить. А если она все-таки рискнет появиться в нашем доме, Спиридон получит необходимые указания и эта дамочка никогда не сможет застать тебя. Но, надеюсь, эта женщина не станет вторгаться в наше скромное жилище, ища встречи с тобой.

---

¹⁸ По-крестьянски. (франц).

¹⁹ Мой любезный кузен. (франц).

²⁰ Дворяне (франц).

²¹ Gospodina – титул жены молдавского господаря.

Как ты считаешь? Она была твоей близкой подругой в провинции? Она и тебе показывала модные парижские журналы?

– Нет, что ты. Она ведь значительно старше меня.

– Ну хорошо, – сказал он, заметно успокоившись.

– Просто она была близкой э-э– знакомой моего отца.

Ганна поняла, что ее дальнейшие расспросы в столь неподходящий момент не приведут ни к чему хорошему. Она постарается найти менее придирчивых людей, которые смогут навести ее на след пани Звягловской.

Ганну ожидал день, полный забот и хлопот. Надо было договориться с модисткой и парикмахером, написать письмо отцу и сообщить, что пани Звягловская все еще одинока. Поэтому она не возражала против предложения Олега вернуться домой.

Глава 5

За завтраком дамы обсуждали кандидатуры модисток и фасоны платьев. А сразу же после еды Елена Матвеевна послала записку первой модистке столицы, мадам Лагайль. Банкнота крупного достоинства, вложенная внутрь, сыграла свою роль, и мадам сразу же прислала записочку, сообщив, что посетит ее сиятельство следующим утром в одиннадцать, с образцами и моделями.

Во второй половине дня им пришлось отложить все свои дела, так как приехала Софи (Софья Петровна) Брундукова с дочерью Маланьей, которую все звали на французский манер – мадемуазель Мелани. Ганну интересовала главным образом дочь, в которой она надеялась обрести подругу и наперсницу. Но надежды испарились прежде, чем Мелани произнесла первое слово. По правде говоря, они испарились при первом же взгляде на эту бледную, худую «северную нимфу». Ганна была убеждена, что дама, так сильно напоминающая один из портретов фламандских художников, не может иметь с ней ничего общего.

Было бы несправедливо сказать о Мелани, что она выглядела старше своих лет. Хотя ее бледность наводила на мысль о том, что последние несколько месяцев она провела в каменной пещере. Даже волосы ее имели какой-то тусклый, нездоровый вид. Бледно-голубые глаза, длинный нос, тонкие губы выражали неестественную отрешенность, столь часто встречаемую на портретах фламандских художников при изображении.

– Я рада познакомиться с вами, кузина, – произнесла Маланья. Ее светлые глаза пытливо оглядели Ганну с ног до головы. Мелани, сильно озабоченная поисками очередной жертвы в открывающемся сезоне, почувствовала в Ганне серьезную конкурентку.

– Взаимно, кузина, – слегка холодновато ответила Ганна. Она собиралась добавить несколько более теплых слов, но замерла под взглядом холодных голубых глаз.

– Елена Матвеевна сказала, что Олег давеча показывал вам город. Столица, вероятно, взволновала вас после вашей Бессарабии.

По ее тону можно было предположить, что по уровню цивилизации Бессарабии находится где-то рядом с Африкой.

– Да, конечно. Здесь все совершенно... иное. Во всяком случае никакого сравнения с прочими тремя европейскими столицами, которые я посетила. Ни в Букуреште, ни в Праге, ни в Варшаве я не видела, чтобы на улицах было так мало деревьев и так много городских.

Маланья Брундукова по какой-то неясной причине сочла это высказывание личным оскорблением.

– Так ведь... в деревьях нужда, когда солнце палит и тень нужна. А тени нам без надобности. А и городские нам не помеха – ведь у нас царь православный живет. А где в каких варшавах цари водятся? Нету там царей. Ведь нету, маменька? Вот и не нужны там городские.

– Я только что говорила Елене Матвеевне, что мы будем счастливы помочь ей нести бремя ответственности за ваш дебют, Ганна, потому что в ее возрасте, как вы понимаете, это лишнее неудобство, нарушающее тихое и спокойное течение ее жизни, – вступила в разговор ее мамаша.

Сама Софи Брундукова была таким резвым подростком сорока пяти лет.

– Моя Мелани уже подготовила наряды и все прочее. Будет ужасно хлопотно найти сейчас модистку. Если бы мы не были так заняты, я могла бы навести справки, но так как Сезон вот-вот начнется...

– Мы уже договорились с мадам Лагайль. Она придет завтра утром, Софи, – ответила Елена Матвеевна.

– Эта француженка? Хотя, конечно, выбирать уже не приходится. Странно, почему ваш отец не отослал вас домой немного пораньше, Ганна?

– Мой дом – Бессарабия, – твердо заявила Ганна.

Затем мадам Брундукова вновь обратилась к Елене Матвеевне.

– Вам следует присмотреть за этой Лагайль. Она ведь – француженка. Ее модели могут быть совершенно не подходящими для молодой девушки. Я наряды для Мелани заказывала в Москве, у мадам Блюментрост, еще до того, как мы приехали сюда.

Если считать убогий саван, обрамлявший фигуру Мелани образцом московских моделей, то Ганна лишь порадовалась, что избежала подобной участи.

Подали херес и печенье. Софи Брундукова осведомилась, не доставит ли она слишком много хлопот, попросив чай для девушек.

– Я не приобщаю Мелани к вину. От него могут возникнуть пятна. И Ганнушка поступит благоразумно, если тоже последует нашему примеру.

Решив вести себя как подобает настоящей петербургской дебютантке Ганна выпила безвкусную жидкость и продолжала слащавую беседу с Маланьей еще в течение получаса. Собравшись уезжать, госпожа Брундукова опять предложила свои услуги по подготовке Ганны к дебюту. Истинный смысл этой помощи оставался неясным, ибо единственное обещание Софи, состояло в регулярном посещении Ганны и не более того.

Когда гости уехали, Ганна спросила:

– Это – ваши хорошие друзья, хресна мати?

– Софи считалась моей ближайшей подругой лет тридцать тому назад. Сложно поверить, но когда нас представляли ко двору, Софи была одной из самых жизнерадостных девушек на свете. Но с годами она сильно изменилась. То ли оказал свое влияние брак с цензором, а, может быть, дальнейший переезд в провинцию... У них имение в Орловской губернии.

– Или наличие такой дочери, как Мелани, – вставила Ганна.

– Налей кухне стакан вина, Олег, – попросила Елена Матвеевна. – Иначе бедняжка лишится последних сил. Но особо волноваться по поводу хлопот Софи при подготовке дебюта Ганны, я думаю не следует. Уверена, она приехала только из любопытства.

Ганна вздохнула с облегчением.

– Я так рада, что вы тоже не испытываете особой любви к Брундуковым.

– Мелани не лишена привлекательности, – возразил Олег, прекрасно сознавая собственное преувеличение. – Нет причин пренебрегать ею. В конце концов, она – тоже наша родственница и явится вполне подходящей компанией для Ганны. Ее поведение всегда считалось безукоризненным.

Елена Матвеевна недоброжелательно взглянула на него.

– Не задерживайся с нами, Олег. Разве ты не должен уже быть в комитете? У тебя ведь назначена встреча с Бурчилиным.

– Я загляну туда на четверть часа. Чем вы собираетесь заняться после обеда?

– Ганна говорила что-то о новой прическе. В этом году волосы носят короче.

Олег хмуро проронил:

– Я думал, тебе не понравились прически дам на Невском, кухня. Ты же заметила – эти милые дамы очень напоминают мужчин.

– *Garçons*... – подсказала Ганна. – Маленьких мальчиков.

– Полагаю, ты придумаешь собственный стиль? Это мальчишество вряд ли подойдет тебе.

– Не волнуйся, *mon gentile cousin*. Я не собираюсь уродовать себя. Мне понадобится вся моя *seducător feminitate*, чтобы заполучить достойного мужчину, не так ли, хресна мати? Ой, я конечно же имела ввиду *séducteur féminité*²².

Елена Матвеевна, погруженная в свои мысли, вдруг заговорила о другом.

---

²² Обольстительная женственность (румынск, французск).

– Feminitate, говоришь? Вот еще одно валашское слово в моем лексиконе. Думаю, таким манером мне удастся осваивать по два-три новых слова в день, и к концу сезона мне можно будет собираться вместе с тобой, голубушка в твою Трансильванию...

Олег поклонился и вышел.

Елена Матвеевна послала за куафёром Петруччо, парикмахером, которого его хозяин граф Подколызин выучил у своего прошлого куафера-итальянца Ринальди и сдавал теперь в наем всему бомонду. Выходило не в пример дешевле, чем в салоне Женевеля, а по качеству – не хуже.

Петруччо был длинноволосый изящный и стройный молодой человек лет двадцати пяти. Он явился после полудня, держа под мышкой портфель с журналами, прибывшими наемными из Парижа (граф шел на такие жертвы ради развития такого бизнеса).

После продолжительной дискуссии и просмотра эскизов, помещенных в самых модных парижских журналах, Ганна остановилась на «victime»²³.

– Так как мои волосы вьются от природы, то после стрижки, они будут завиваться сами по себе, что избавит меня от ночной завивки.

– Ах, affascinante signorina имеет безупречный gusto²⁴! – заявил Петруччо. – Осмелюсь сказать, что сия pettinatura alla moda²⁵ принята сейчас во всех Европах в память о голове невинноубиенной храцузской царицы Марьи-Туанетты...

– Странно, – произнесла Елена Матвеевна. – Ведь отрубали головы, а не волосы.

– Смею вас заверить, illustrissima signora²⁶, что перед esecuzione mediante scommetto la testa²⁷ волосы надлежит остричь, дабы они своей concitazione²⁸ не смогли помешать la spada della giustizia²⁹.

– Эге, брат Петруччо, – изумилась Ганна, – а ты случаем не из-под Полтавы ли будешь?

– Точно так, ma bellissima signora³⁰. Выписан из terra natale³¹ в нежном возрасте ради обучения ars barbiere e parrucchiere³²? То бишь мужеской и женской куафюры. – Парикмахер отвесил ей низкий поклон.

– Хотя, осмелюсь заметить, мой кузен вряд ли одобрит этот фасон, – задумчиво сказала Ганна, собрав обеими руками волосы на затылке и придирчиво взглянув на себя в зеркало. – Он весьма настойчиво предлагал мне сохранить волосы в неприкосновенности.

– А вот в таких вопросах мнение мужчин мы просто обязаны пропускать мимо ушей, – твердо заявила Елена Матвеевна. – Где бы нам лучше сделать прическу без особой суеты?

Было ясно, что ей не хотелось покидать мягкий диван, на котором она уютно примостилась. Поэтому по ее приказу пол накрыли бумагами, поставив в центре стул для Ганны, и Петруччо принялся за работу.

Куафер без умолку трещал языком, перемежая малороссийский говор с итальянским. Выяснилось, что Ринальдо прибыл в Петербург вместе с о своим патроном маркизом де Спирвилем, и тут же они прибились к хлебосольному столу графа Подколызина. Там они столовались до самой смерти маркиза, наступившей вследствие злоупотребления маркиза чересчур

---

²³ Жертва (франц).

²⁴ очаровательная синьорина имеет безупречный вкус (итал).

²⁵ модная прическа (итал).

²⁶ сиятельная госпожа (итал).

²⁷ смертной казнью путем отсечения головы (итал).

²⁸ консистенцией (итал).

²⁹ мечу правосудия (итал).

³⁰ моя прекрасная госпожа

³¹ родной земли

³² искусство причесывания мужчин и женщин.

обильной пищей и русской водкой. Ринальдо, уже не молодой, но никогда не бывший самостоятельной личностью, предпочитал не бороться с трудностями жизни, но подчинять себе лишь стихию волос, коей он был полновластный повелитель, а потому поспешил предложить графу свое мастерство в обмен на кров и стол. Убедившись в том, что вся женская половина его фамилии пришла в восторг от мастерства и прикинув все выгоды от этой экономии, граф охотно взял его себе на службу, и даже приставил к нему мальчика, который за долгие годы обучения стал ему родней родного сына.

Со своего удобного ложа Елена Матвеевна наблюдала, как с летающих ножниц спадали черные локоны. Один опустился у столика, затерявшись под ножкой, в то время как Петруччо собрал остальные. Он был знаком с мастером, изготавливавшим прекрасные парики, и тот, наверняка, неплохо бы заплатил за такой материал. Затем Параша вымыла Ганне голову, а Петруччо, орудуя щеткой, как истинный волшебник, уложил короткие локоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.